

АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА НИКИТИНА

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела русского фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
centsouffle@gmail.com

РУССКИЕ ВЕРСИИ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КУКУШКИ

А н н о т а ц и я. Рассмотрены народные легенды и сказки о происхождении кукушки, а также имеющие к ним отношение поверья, раскрывающие непростой характер связываемых с кукушкой народных представлений. Исследуемый материал – русский, из разных российских регионов, и разного времени. Решение ограничиться только русской традицией намеренное, так как представления о кукушке и ее происхождении общеславянские, восточнославянские в целом, белорусские и украинские по отдельности, исследовались, русские – нет. Ограничение позволило конкретизировать и провести анализ русской специфики этиологии кукушки, прояснить неоднозначное отношение к ней и ее кукованию, бытующее в народной среде. Проанализированы два условных типа народных рассказов об этиологии кукушки и значении кукования, известных русской традиции; один тип ближе к христианским легендам, другой – скорее сказочный, но с вкраплениями элементов высокой и бытовой мифологии. В результате анализа выявлены характеризующие каждый тип элементы, обозначены влияние древнерусских книжных источников на первый тип и значение эмоционального компонента во втором типе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кукушка, кукование, этиология, мифология, Благовещение, народная легенда, сказка, поверье, проклятье, семейно-родовые отношения

Д л я ц и т и р о в а н и я: Никитина А. В. Русские версии народных представлений о происхождении кукушки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 3. С. 99–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1307

ВВЕДЕНИЕ

В первом номере «Живой старины» за 2015 год была опубликована подборка материалов из архивной коллекции Курганского университета – 17 текстов, записанных от старообрядцев (двоедан) Южного Зауралья, по всей вероятности, в экспедиции 2014 года¹. Публикация называется «“Народная библия” зауральских старообрядцев», и среди текстов таковой оказалась этимологическая легенда о кукушке, представляющая одновременно традиционной и нетрадиционной и предлагающая нетривиальное объяснение значения кукования. Своеобразие легенды с учетом ее бытования в старообрядческой среде и недавнего времени фиксации спровоцировало написание данной статьи.

В 1894 году в работе «Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии» В. Н. Добровольский писал об этимологии кукушки следующее:

«...птица загадочная, мифологическая. Относительно ее происхождения и происхождения ее пения

и крика существует множество рассказов. Оригинальность птицы и ее привычек – вот по нашему мнению причина возникновения различных преданий о кукушке» [7: 88].

На момент выхода «Звукоподражаний» уже была опубликована первая часть Смоленского этнографического сборника (1891), где в числе прочего даны и этимологические «рассказы» о кукушке – материал информативный, но с локальной спецификой, предполагающей белорусское влияние или даже заимствование². Поскольку нами заявлено исследование материала русского, спорный смоленский если и будет привлекаться, то с оговорками.

Возвращаясь к цитате, отметим использованный В. Н. Добровольским для этимологических повествований термин «рассказ», так как расплывчатость жанрового определения этого материала является в известном смысле проблемой, на что указывал, говоря о трансформации этимологических легенд, Е. А. Костюхин:

«...следует помнить о зыбкости межжанровых границ в фольклоре. <...> Достаточно усилить один из акцентов повествования, как произведение теряет свою жанровую специфику, достаточно снять один из композиционных элементов – и легенда превращается в сказку» [9: 139].

Добавим к указанному необходимость учитывать влияющие на жанровые трансформации факторы места и времени, а также характер форм бытования и передачи «рассказов» и роль, которую играли в этом старые книжные источники.

В контексте народного понимания этиологии кукушки особый интерес представляют отмеченные В. Н. Добровольским ее мифологическая семантика и оригинальность, причем во взаимосвязи. Этиология как один из ключевых элементов архаичного мифа подтверждает, что корни народных представлений, составивших базу «множества рассказов» о происхождении кукушки, уходят очень глубоко. На поверхности же – причудливая смесь дохристианских и христианских верований, элементов разновременных календарных и жизненного цикла человека, переосмысленные этические и эстетические установки и многое другое. Что касается «оригинальности» кукушки, то определяющей является связь птицы с ее криком: кукушка – та, что кукует, и потому кукушка, что кукует (именование по издаваемому крику). Из всего восточнославянского материала русский дает наиболее яркое подтверждение связи кукушки с характеризующим ее криком, с придаваемым ему значением, с самим звучанием кукушкиного голоса³. Укажем также не акцентированные В. Н. Добровольским, но значимые для нашего исследования взаимосвязанные позиции – гендерное определение кукушки и, учитывая специфику ее этиологии, семейно-родовой статус. По представлениям восточных славян, и русских в частности, кукушка фактически всегда женского пола (как сама птица, так и та, что становится птицей) и не имеет пары или, что чаще, утрачивает пару, – в этиологических «рассказах» превалирует превращение в кукушку молодой вдовой женщины. Упомянутое в цитате «множество рассказов» о происхождении кукушки и значении ее крика по славянскому материалу в целом справедливо, в отношении русского – явное преувеличение; «рассказов» не много и едва ли уместно говорить о большом разнообразии, поскольку в их основе лежат давно сложившиеся, известные по поверьям представления о кукушке.

Мы рассмотрим два наиболее распространенных в русской традиции типа этиологических «рассказов» о кукушке, в которых происходит

превращение человека в птицу: один тип, легендарный, с христианской основой, другой, скорее сказочный, в котором явственно проступает основа мифологическая. Оба типа еще бытуют в народной среде, при этом оба в той или иной мере имеют отношение к переработанным переводным книжным источникам (Физиолог) и к созданным на их основе (Шестоднев, Толковая Палей и др.). Разнообразие вариантов каждого из типов и их распространенность зависят от специфики типа, интерпретируемой сообразно с предпочтениями региона и временем бытования. Одной из задач исследования станет выявление сближающих и разъединяющих типы элементов, известных и малоизвестных, которые могут казаться незначительными, но они входят в комплекс связываемых с кукушкой народных представлений и потому значение имеют. Внимания заслуживают этический и эмоциональный компоненты, их характер и интенсивность проявления в обоих типах различны, но их анализ мог бы прояснить неоднозначность существующего в народе отношения к кукушке и ее кукованию.

«КОКУШКА МОЛВИТ: “Я ЕСМИ КОКОВАЛА, ГРЕХИ СВОИ ВОСПОМИНАЛА”»⁴

Первый тип этиологических «рассказов» связывает происхождение кукушки с наказанием за нарушения законов Божьих и человеческих. Эти «рассказы» можно бы определить как легенды, но они больше развернуты на обыденность и ощущается приближенность к народным поверьям, так как в них мало религиозного морализаторства, поучение дается не столько словом, сколько прецедентно, на примере. При этом сохраняется убежденность в божественном праве награждать и наказывать («Бог карает, Бог и милует», «Наказание – дело Божье» и т. п.). Иными словами, «рассказы» первого типа надо считать или народными легендами, или народно-христианскими рассказами. Вероятно, этим объясняется их включение в раздел СУС «Легендарные сказки» [19: 185–217] (еще одно, третье определение).

В русском материале удалось отыскать три текста, в которых за преступления предусмотрено наказание в виде превращения в кукушку. Первый, «Про медведя и кукушку», самый ранний из них и южнорусский – записан в 1859 году в Херсонской губернии, приведен А. Н. Афанасьевым в «Легендах» и определяется как «народная легенда»⁵:

«Мужик с женою вздумали испугать Спасителя, стали под греблю и принялись кричать: мужик заревел медведем, а баба закуковала кукушкою (зозулею). Господь проклял их, и с того времени они навсегда превратились в медведя и кукушку».

Второй текст о превращении в кукушку девицы («Злая девка») записан И. П. Карнауковой в 1927 году на Пинеге и определяется как сказочный⁶:

«Жила-была девушка. Да такая дурная да неласковая. Как собаку увидит – так камнем. Как робенка – оплеуху, а нищего – взашей. Вот шел по селу Христос да Егорий. Да так, как будто старички темные. А она и рада, что слепые – напугать можно. Спряталась за воротами, те ворота открыли, а она как выскочит, да: “Гу, гу!” Посмотрел это Христос, да и говорит: “Лети же ты, девушка, кукушкой, кричи до веку “ку-ку”! Своего гнезда не имей, как нищим не давала”. Так она и вспорхнула кукусецкой. До сих пор все жалеет, да плацетца. А помочь нельзя».

Несмотря на то что тексты определяются различно – херсонский как легенда (воспринимается как пересказ), а пинежский как сказка (ничего сказочного нет, кроме «жила-была»), оба, благодаря краткости и сухости изложения, в целом соответствуют информативно-нравоучительному стилю легенд. При сопоставлении выявляются следующие общие позиции:

- Оба текста на один мотив, но это не ‘Бог в гостях’ (‘Бог награждает и наказывает’), а ‘Когда Господь ходил по земле’ (в СУС как самостоятельный не указан); странники здесь идут мимо, и нет речи о ночлеге или подаянии⁷.

- В обоих текстах приводящий к наказанию грех – намерение и попытка «напугать» странников-нищих. Ситуация «гость в доме – Бог в доме» на самом деле кризисная, она намного древнее христианской этики призрения сирых и убогих и идет даже не от восприятия странников как заместителей обожествляемых предков, но от страха перед внедрением «чужого» в «свое» пространство. В херсонском тексте чужаков пугают из-под «гребли» (опора нижнего края кровли), с границы «своего» пространства. В пинежском девица прячется за воротами (вход на «свою» для нее территорию) и принимается пугать старых слепых нищих, когда те ворота открывают. Грех в обоих случаях даже не в попрании христианской морали, но в отсутствии у грешащих совести (страха божия) – они действуют по своему желанию («вздумали»), и это им в радость («она и рада, что слепые – напугать можно»).

- Способ пугания в обоих текстах один – внезапные (из укрытия) крики «ку-ку!». Что должно стоять за кукованием, чтобы ужаснуть услышавшего? Очевидна связь с представлениями о появлении кукушки весной и прогностической функции первого кукования; речь об этом пойдет позже, укажем только, что негативная трактовка здесь превалирует. И, как уже отмечено, куко-

вание с граничных позиций «своего» и внешнего («чужого») пространства также считалось дурным знаком, предвестием всевозможных бед вплоть до скорой смерти: «Это страшное дело, кукушка када кукует, куковать. Свекры вон, куковала кукушка – помёр» [13: 15]⁸.

- И баба в легенде, и девица в сказке – обе *кукуют*, так что превращение в кукушку предопределено. Превращение происходит по «слову Божию»: в херсонском тексте прямо говорится «Господь *проклял*», в пинежском термин *проклятие* не используется, но смысл тот же: «Христос посмотрел и *говорит*: “Лети же ты, девушка, кукушкой, кричи до веку “ку-ку”! Своего гнезда не имей, как нищим не давала”. Так она и вспорхнула кукусецкой». В формуле «божьего слова» происходит нанизывание основных кукушечьих маркеров – кукование, обездоленность, бездомье, и все это «на все времена»:

- кричишь «ку-ку», так будь кукушкой («лети кукушкой»),

- нравится кричать «ку-ку», кричи так «до веку»,

- «своего гнезда не имей, как нищим (приюта. – А. Н.) не давала».

- Превращение в кукушку вследствие проклятья блокирует судьбы обеих – и для бабы в херсонском тексте, и для девицы в тексте пинежском происходит расплата будущим: нет и никогда уже не будет дома (= семьи и потомства); превращение необратимое: в херсонском тексте говорится, что «*навсегда* превратились»; в пинежском – куковать девке предстоит «*до веку*», и даже запоздалое раскаяние ничего не меняет – «До сих пор все жалеет, да плацетца. А помочь нельзя»⁹.

Третий текст, «Как произошла кукушка», – та самая легенда из Курганской области, предположительно 2014 года¹⁰ (текст в Приложении). Эта версия наказания превращением в кукушку существенно отличается от уже рассмотренных, как было отмечено, она традиционна и нетрадиционна одновременно, и в ней дается не имеющее аналогов объяснение кукованию. Здесь отсутствует религиозное морализаторство с указанием причин произошедшего, но есть показательный прецедент (не *за что* превратили, а *как* произошла), подтверждающий логичность определения «народная». Стилистически повествование выдержано как легендарное, единственный диссонанс – использование в отношении Господа сказочного «*превратился*». Идет сложение мотивов ‘Когда Господь ходил по земле’ и ‘Бог в гостях’:

«Пошел раз Господь *посмотреть*, что в миру делается. *Соблюдают ли люди Божьи законы*. Превратился

в старца убогого и бредет... <...> ...под вечер... попросился в... избы. Запустили его...»

Своеобразно реализуется здесь принцип 'Бог (награждает и) наказывает' – наказываются вовсе не те, кто проверялся на соблюдение «Божьих законов», они проверку проходят; и, как ни парадоксально, наказание грешницы можно толковать как награду праведным – воистину «все в руке Божией». Изба, в которую пускают Господа, «крайняя» (на границе селенья, худая, бедная): «“Прости, отче, тесно у нас: *семь ребят*, да самих двое”. – “Ничего, ...как-нибудь поместимся”»; ужин – картошка, которую хозяйка *делит между детьми*, «а самим и есть нечего. “Ничего, ...у меня кое-что найдется” И достает из своей сумки хлеб...» Хлеб из нищенской сумы – милостыня, но разделить его с Господом – это ли не награда благочестивым?..¹¹

«Стержнем», вокруг которого все сконцентрировано, являются *дети*. Момент истины наступает в сакральное время – граничное, удобное для превращений: «*Наутро* собрался Господь *уходить*, и спрашивает добрых людей: “Все ли *дети ваши*?” – “Да нет, ...*подкидывают* нам каждый год по одному. *А своих не дал нам Господь...*”» (ср.: «У кого детей много, тот не забыт от Бога» и «Детей нет – знать, Бога прогневили»); и в сакральном месте: «*Вышел* Господь *из избы*, смотрит, а какая-то женщина на завалину¹² *грудного младенца* кладет. ...и говорит ей Господь: “Будь же ты птицей кукушкой!”» Наказание происходит по характеристике, ставшей для кукушки базовой, – плохая мать, бросающая детей, не заботящаяся о потомстве: «Я птица грешная: гнезда своего не розумею, а детей своих николи не знаю» [12: 14]. В отличие от херсонской легенды и пинежской сказки, в которых кукование – причина и основа превращения в кукушку, курганская старообрядческая (!) легенда делает причиной и основой связь «мать – дети» и оппозицию «свой – чужой» в контексте семейных отношений.

Окончание легенды аналогов не имеет: «С тех пор и *считает* кукушка, *сколько* она детей *разбросала* по чужим людям, да все сосчитать не может...» (sic! замужние женщины гадали по кукованию – считали, сколько детей у них будет).

«КУКУШКА КУКУЕТ – ОТ БЕЗДОМЬЯ ГОРЮЕТ»¹³

С «разбрасыванием» по чужим гнездам своих детей связывается кукование кукушки в варианте одного из самых известных русских поверий – «Кукушка совершила грех: свила гнездо в праздник Благовещенья. В наказанье не видит своих детей и потому кукует»¹⁴ (исходная базовая

форма: «Кукушка *без гнезда* за то, что завила его на Благовещенье»).

Кукушка – птица перелетная, ее появление традиционно связывается с наступлением весны, архаичным началом нового годового цикла, и кукование принималось за его характерное звуковое обозначение – весть, причем благая. Период активности кукушки и кукование как проявление этой активности в народном представлении жестко регламентированы; это касается как временных границ (прилет и начало кукования на Благовещение – завершение кукования и исчезновение кукушки на Петров день), так и целой системы условий расшифровки кукования. Судя по всему, опасность нарушения и дает ключ к пониманию странной связи кукования и потери кукушкой права на свое гнездо и потомство.

Следом за рассмотренной легендой в курганской публикации приводится благовещенское поверье, объясняющее отсутствие у кукушки гнезда. Оно явно помещено легенде «в пару», их взаимосвязь очевидна – в обоих случаях Божье наказание касается нарушений семейно-родовых отношений, и безусловна его направленность на женскую сферу – дом и детей.

«В Благовещенье ничего делать нельзя. Говорится так: “Птица гнездышка не вьёт, девица косу не плетёт”. Одна кукушка решила наперекор свить гнездо. Все отдыхали, а она в великий день сделалась шибко работающей. Бог ее покарал, нет у нее гнезда, вот она и суется в чужие гнезда, разбрасывает детей куда попадет»¹⁵.

Как и легенда, поверье имеет свои оригинальные черты, корректирующие основную причину наказания – нарушение запрета на любую деятельность в Благовещение, ибо это «великий день», «самый большой у Бога праздник» [20: 105], запрет касается всех, человек – не исключение [16: 200].

В поверье говорится, что «все отдыхали», одна кукушка «сделалась шибко работающей», но на самом деле она не одна – так или иначе грешат в Благовещение крот, рак, ворон, канюк, воробей, чайка... Обилие пернатых нарушителей не случайно¹⁶, что в контексте нашего исследования представляет особый интерес. Известен обобщенный вариант наказания птиц, учитывающий и витье гнезда:

«...когда птица проспит благовещенскую заутреню, или в сей день *завьет гнездо*, то отнимаются у ней *на несколько времени* в наказание крылья, и она летать не может, но ходит по земле»¹⁷.

В отношении кукушки этот вариант не работает – она летает, как летала; при этом никто не наказан так, как она: «...нет у нее гнезда, вот

она и суется в чужие гнезда, разбрасывает детей куда попадая». Ср. с наказанием воробья, который тоже свил на Благовещение гнездо, и за «предательство» (!) у него «невидимыми путами» связаны ножки – не ходит, не бегаёт, только прыгает. Но он не лишен возможности летать, как иные согрешившие птицы, и, в отличие от кукушки, может вить себе гнездо и растить в нем своих птенцов¹⁸.

Наказание идет от Бога, но витье гнезда птицей – то же создание дома (= семьи) для выведения и выкармливания потомства... и есть в этом некое противоречие с самой сутью Благовещения («Благословенна ты в женах, благословен плод чрева твоего...»)¹⁹. Кукование в этом контексте теряет значение вестничества, тем более благого; по назначении кукушке наказания оно воспринимается как оплакивание ею своей обездоленности, причем с осознанием безысходности – «... жалеет и плачетца. А помочь нельзя».

В приведенном поверье жесткость наказания отчасти объясняется тем, что нарушение подается как намеренное – кукушка «решила наперекор», что, безусловно, вину усугубляет²⁰.

Мотив утраты гнезда с «разбрасыванием детей куда попадая», судя по всему, связан с кукушкой издавна и очень устойчив, так как наряду с кукованием это ведущий маркер, к которому часто сводятся объяснения прочих кукушкиных «оригинальностей», например:

– легендарная сказка об убийстве птицами Кука, который их пожирал: сокол вызвался убить, а кукушка берется подать сигнал:

«Я узнаю, када Кук будить спать, и как я кужну, так штоба был сокол гатоў!»; за что птицы «зделали абещание: каторая птица узнаить, дак штоб ина гнизда ни вила и дятлей ни кармила». И кукушка «дела сполнила», а птицы «асталися усе довольны» (Смоленская губерния)²¹;

– легенда, «основанная на примете» и, добавим, на поверии:

«кукушка из-за детей как-то прогневила Бога, и вот он проклял ее. С тех пор она не знает покою, не имеет ни постоянного места, ни гнезда, яйца свои кладет в чужие гнезда и вечно плачет; следы её слез остаются на тех деревьях, где она сидит, в виде черных кольцеобразных кружочков. И будет она страдать до второго пришествия» (Тамбовская губерния)²²;

– сказка «Почему у кукушки гнезда нет» о легкомысленности кукушки:

«Сорока всех птиц учила гнезда вить... (Ворону научила, другую птицу... всех научила. Взятась кукушку учить, а та ей говорит): “Не трудно, не трудно, не трудно!” Сорока осердилась, улетела, и кукушка не стала вить себе гнезда. Не стала, и вот она то у коршуна, то у ястреба в гнезде яичко снесет и улетит. А своей семьи не знает» (Забайкалье)²³ и т. д.

Утрата кукушкой гнезда – семьи – детей затронута еще в одном сказочном сюжете – ‘Суд орла над вороной’ (СУС 220 А) [19: 88], в котором кукушка подает жалобу в высокий суд на бесчинство вороны:

«Во сыром бору стояла береза виловатая. Никто эту березу не знал. Я кукушка-сирота узнала..., гнездо свила и детей нажила. Прилетает ворона-карга, черно платье, отрепно худоплечье, голубые глаза, суконный язык. Разорила мое гнездо, разбросала моих детей по полям, по кореньям – у кукушки нет гнезда...» (Урал)²⁴.

В большинстве вариантов этого сюжета суд прекращается благодаря наглости и изворотливости вороны, а истица-кукушка в любом случае остается без гнезда и детей.

Есть вариант, в котором кукушка ищет суда над вороной, но не за разорение своего гнезда; она «сжалилась» над крестьянином, потерявшим по вине прожорливых ворон урожай: «Не плачь, мужичок, не кручинься, полечу я с жалобой к Соколу Соколовичу, дорого поплатятся тебе вороны за убыток...» Однако призванная к ответу ворона все поворачивает так, что виноватой оказывается кукушка и ее «ку-ку»:

«“Права ты, ворона-воронница, – рассудил так Сокол Соколович, – вся вина должна пасть на кукушку. Будь же ты, кукушка, ни сыта, ни голодна, век проводи в тоске и скуке, не ласкать тебе с сих пор птенцов своих!”»²⁵.

Таким образом, мотив утраты гнезда (дома – семьи) здесь есть, но подается иначе, а закреплен традиционно – утратой права самой растить потомство.

«...А Я БУДУ ГОРЬКАЯ КУКУШКА НАД РЯКОЮ КУКОВАТЬ»²⁶

Второй тип «рассказов» о происхождении кукушки и значении ее кукования в большинстве случаев определяется как сказка, причем, согласно СУС, сказка волшебная²⁷. Е. А. Костюхин говорит о сюжете 425 М как о сказочном и хорошо знакомом восточноевропейскому фольклору. При этом, подчеркивая мифологическую основу мотива брака человека и животного и мотива превращения, он указывает на «эстетизированную концовку в Овидиевом духе» [9: 50], на усиление художественной (эмоциональной) составляющей, то есть на смещение мифологического в сторону сказки.

Русская, белорусская и украинская версии сюжета 425 М ‘Жена ужа’ существенно различаются; рассмотренные тексты позволяют основной русской версией считать следующую (вариантные деформации не радикальны): среди купающихся девиц змей-уж находит себе потен-

циальную жену (одну дочь у матери), вынуждает дать ему слово и затем забирает ее в воду; спустя время жена змея приходит с ребенком (сыном) / детьми (сыном и дочкой) в гости к матери; не желая расставаться с дочерью, мать выведывает, как та станет вызывать змея, чтобы забрал ее домой; пока дочь спит, она идет к воде, обманом вызывает змея и убивает; узнав, что сделала мать, женщина с горя превращает своих детей в малых птиц, а сама превращается в кукушку.

Сближений с обобщенным первым типом «рассказов» – народными легендами о наказании превращением в кукушку за грехи – не так много, расхождений больше.

• Превращение женщины в кукушку сопровождается здесь явным изменением значения кукования: на первый план выходит горевание по убитому мужу, оплакивание его и своей несчастной доли. Согласно логике этиологических повествований, превращение обратного хода не имеет и происходит не по воле высших сил, но по воле оказавшейся в экстремальной ситуации «обезумевшей от горя женщины»²⁸ [2: 243], [9: 50].

Завязанная на экстремальную ситуацию «эстетизированная концовка» – результат эмоционального срыва, как в древнегреческой трагедии. Подобно Меее, в отчаянии убивающей детей и уносящейся на крылатых драконах прочь от разрушенного семейного очага, жена ужа превращает своих детей в мелких птиц (= умерщвление), сама же, утратив семью, превращается в кукушку и становится символом одиночества и нескончаемого горевания:

«...догадалась: “Ах, это моя мать его убила!” Как завоет она! Долго выла, с горя сама себя не помнит и говорит своей дочке: “Полети ты, дочка, птичкой подкрапивничкой *отныне и довеку*”. А сыну говорит: “Полети, сыночек, соловейчиком *отныне и довеку*. А я, горемычная вдовушка, полечу *отныне довеку* кукушкой куковать”» (Тульская губ.)²⁹.

• Проблема утраты дома, семьи и потомства здесь переводится в плоскость нарушения семейно-родственных отношений, причем в архаичной форме противостояния родов, – теща, чтобы оставить дочь у себя, чтобы род не прервался, убивает зятя, мужчину и чужака (агрессия главы рода жены по женской линии) – «...она погубила мужа своей дочерью»:

«Мать *сжалилась*, взяла шашку, пошла до пруда... <...> ...все головы (змею) снесла. Вода кровью змутилась. Приходит назад. “Ну, я топере от этой напасти *тебя освободила! Не пойдешь топере туда*”. Дочь услышала разговор, заплакала... взяла мальчика и девочку, и потом она заревела: змей не жив...» (Вятская губ.)³⁰.

В некоторых вариантах не только обозначаются нежелание отпускать дочь и угроза убить зятя,

но и подчеркивается, что убийство было напрасным, ожидания матери не оправдываются: «Думала мать, что (дочь) к ней придет, как мужа погубила, а не пришла...»³¹ и «сказала... “Што ты, мама, наделала! Все равно мы с тобой жить не будем...”»³² (судьба необратима).

Жена змея не так уж невинна в произошедшем, она сама устанавливает предел своей счастливой семейной жизни («...мать расспросила ее: “Как живешь?” – “Ой, матушка, так хорошо, у тебя на веку так не жила...”»³³), сообщая матушке, как вызвать змея, чтобы забрал ее домой под воду («Мать спросила ее: “Как даваться-то будешь?” Она ей и сказала: “А приду к озеру, так закричу: “Осип, Осип, возьми меня!”»). Похоже, здесь отсутствует (утрачен в процессе десакрализации?) нарушаемый героиней запрет кому бы то ни было сообщать то, что касается только ее и ее мужа-змея³⁴. Мать имитирует дочерний голос и убивает змея («пришла... стала кликать: “Осип, Осип...” ...и отсекла голову мать»). Бездумно данная женой информация приводит к гибели мужа, к краху семейной жизни и... появлению кукушки. Вину в нарушении запрета, приводящую к подобному результату, имел в виду Ю. И. Юдин, правда, разбирая иную мифологическую историю [23: 291–292]. Здесь стоит также отметить, во-первых, специфику отношений матери и замужней дочери (см. балладный мотив возвращающейся в родительский дом дочки-пташечки [14: 477–478]); во-вторых, то, что детям явно отводится второстепенное значение: их наличие и предъявление матери подтверждают полноценность семьи и благополучие состоявшегося брака змея и человека.

• Известный волшебной сказке прием принуждения к браку: герой-человек прячет платье (перьевую рубашку, «крылья») купающейся девы-птицы (чудесного существа) и возвращает, заручившись обещанием стать его женой. На самом деле, это исходно мифологическая ситуация, вошедшая в 425 М, – чудесное существо (водяной, змей³⁵) «берет» платье купающейся девицы (человека обычного) и «отдает» за обещание пойти за него:

«...стали купаться. Вдруг выползает из воды уж. И все девочки успели похватать рубашки, а на ее рубашку сел уж, выполз из реки и не дает. Она заплакала, просит, а вон ей говорит человечьим голосом: “Пойдешь за меня замуж, то отдам рубашку”. *Быть что ль этому* (судьба. – А. Н.) – она ему сказала: “Пойду...”» (Рязанская обл.)³⁶.

• К граничности пространства, времени и состояния героини: прежде всего, внимание привлекает соединение архаичного мотива брака /

смерти у воды (уход под воду / выход из воды) с народными представлениями, такими, например, как поверье, что кукушка «играет» с ужом (рус. сев.-зап., карел., белор.) [13: 79], к которому примыкает элемент бытовой мифологии – мотив змеиной свадьбы – змеи-«поезжане» приходят за невестой:

1) «А вдруг ночью застучало, заходило. Говорят, что за невестой пришли... <...> Вот вторая ночь пришла. Заходили, застучали пуще прежнего, готовы дом разворочать, и опять мать ей не выпустила, не отдала. И на третий день мать ей снарядила, смертно платье надела, отпела заживо, – ну, в озеро замуж, так насмерть – и отправила...» (Мурманская обл.);

2) «...видят: из пруда ужаков ползет тьма-тьмушая, целое стадо. Дочка говорит: “Ах, мама, мама, это за мной!” Мать скорей ворота на запор, двери в сенцы на скобу и не пускает. Ужаки кинулись в ворота – ворота заперты. Сейчас свернулись клубком, ударились в окно, расшибили окно и полезли в избу. А девка на печи. Они за ней, сволокли с печи и повели вон из избы. Мать так и воеет, провожает ее. Ужаки доползли до пруда, нырнули с этой девкой в пруд...» (Тульская губ.)³⁷.

Хтоничность самой кукушки подтверждает поверье, согласно которому она, как и змея, зимует в земле или в воде – в яме / провале, во влажном месте (= на болоте), под водой, зарывшись в ил, в колодце [5: 696], [13: 77]; эксклюзивный книжный вариант – зимует в «дуплине», предварительно ошипав с себя все перья [1: 282]. Или уже упоминавшееся представление о том, что осенью кукушка улетает в рай (*ирий, вырей*)³⁸, унося с собой души умерших, и прилетает оттуда весной, принося зачатки новой жизни, в том числе души тех, кому предстоит родиться, а также знание, которым она, кукуя, щедро делится. Мифологема кукушки – связь, контакт между мирами.

О ПРОКЛЯТИИ И ПРОКЛЯТЫХ

В «рассказах» на сюжет 425 М представлена работа слова разного уровня:

– слово, сказанное в неподходящее время в неподходящем месте и состоянии, и потому реализующееся:

«(Пошли три девушки купаться). Одна и спрашивает другую: “У тебя какой жених?” – “Такой-то... а у тебя?” – “А у меня такой-то”. “А у тебя кто?” – спрашивают они третью. Она и отвечает: “А мой муж – черный уж”. Вот те две искупались, оделись, а третья-то вылезла из воды, смотрит – на белье ее уж лежит... <...> “Пойдешь за меня замуж...”» (Вост. Сибирь)³⁹;

– обещания героини (дать слово – сдержать слово):

1) «...а у ей на рубахе гад пребольший сидит. Она испугалась, а он говорит: “Не сойду... с рубахи, пока замуж за меня не обещаешься”. (Что было делать? Обещалась...)» (Заонежье);

2) «Мать рада ей, не пускает ее назад: “Убью его”, – говорит. Дочь говорит: “Нет, мама, нужно идти, я обещалась”. Пошли они...» (Московская губ.)⁴⁰;

– формулы призыва, вызова на контакт:

1) «Мать спрашивает: “Где живешь?” – “Да в воды, мужика Осипом зовут”. – “А как же ты вернешься?” – “Да скажу: “Осип, Осип, выдь сюды”. Он и выйдет и возьмет с собой. Дочка спать легла, а мать взяла топор и пошла к реке. “Осип, Осип, выдь сюды”. Он вышел...» (Новгородская обл.);

2) «...кличет: “Выдь, мой любезный, гадом, стань парнем”. Он выходит гадом да становится парнем. Так она уже двух детей с ним прижила, надоть бы ешшо третьяго, и стал бы он вовсе парнем...» (Заонежье)⁴¹ и т. д.

Но особое место принадлежит проклятию, которое накладывает на себя и своих детей героиня. Здесь не работает неоспоримое в «рассказах» первого типа Божье право на наказание («проклятие – дело Божье»), даже наиболее подходящая к данному случаю форма, когда проклинаящий прокликает, а реализация проклятия – на усмотрение высших сил⁴². Стоит отметить, что в рассматриваемых текстах глагол *проклинать* избегается – героиня свое проклятие «говорит», «кричит» и даже «плачет (и говорит)» (ср.: в двух из трех «рассказов» первого типа – «посмотрел Господь и сказал...»; тогда как в двух из трех смоленских текстов у В. Н. Добровольского используется именно «прокляла»)⁴³. Эмоциональность глаголов («кричит», «плачет») и характеризующих героиню описаний («...так рада, так рада, и сказать нельзя», «...и не спится ей, и сердце болит чего-то: так болит, хочется домой!», «с горя сама себя не помнит...») усиливает драматизм ситуации проклятия. Но повышенная эмоциональность вместе с обилием элементов обыденности заставляет повествование балансировать между волшебной сказкой и некоей формой реалистичного «рассказа» – бывальщиной⁴⁴.

В рассматриваемых текстах на сюжет 425 М проклятие является семейно-родовым и дается в самой сильной своей форме – проклятие родительское:

а) жена змея прокликает детей и себя, но не мать, виновницу ее семейной катастрофы, максимум – укор («Што ты, мама, наделала!») или констатация («Вот, мама, как сделала...»);

б) локально зафиксировано представление, что ставшая кукушкой – проклятая матерью дочь: «Вот эта вот, гаварять, в старинные годы мать прокляла дочку: “Быть ты проклята!!!” И эта дочка вылила в трубу. И абразавалась кукушкой»⁴⁵;

в) в нескольких текстах змей-уж также оказывается проклятым: «...ужов бить грех. <...> уж – проклятой человек. <...> ...проклятой был,

в воде жил»; вар. – «порченный»: «А он был *порченный* парень. Днем в речке гадом сидит, а вечером она его кличет...»⁴⁶ Скорее всего, здесь проявление связи кукушки с «неблагополучными» персонажами бытовой мифологии, прежде всего с детьми, проклятыми родителями, особенно матерью. В волшебной сказке это «отсулы» (СУС –811*) – дети, которых до рождения или вскоре после того кто-то из родителей обещает за услугу Водяному, черту и проч.; ср. с фрагментами текстов 425 М:

«Ужаки доползли до пруда, нырнули с этой девкой в пруд и стали там *людьми*»; «И был там в озере *украденный*, у этих *озерных*, Осипом звали, царский сын, Осип-царевич, и они их поженили, эти озерные жители...»⁴⁷

Завершая анализ «рассказов» второго типа о происхождении кукушки, коснемся сказки на редкий в российском регионе сюжет (в СУС отсутствует), которую, по-видимому, надо считать полуполюгендарной, так как известна одна легенда, но она переводная хантыйская⁴⁸; и две сказочные версии – пара русских вариантов на одну (указываются то сказкой, то легендой) и два переводных варианта версии ненецкой. Ключевым в сюжете является мотив превращения в кукушку от обиды, причем обиды материнской на детей.

«Жила в одной деревне крестьянка, надрывалась она на работе с утра до вечера, а три ее здоровых сына делать ничего не хотели. Обиделась мать на детей – и улетила от них, превратившись в кукушку. Потом обида поутихла, и стало женщине жаль своих дитяток, да поздно было. Заплакала она горькими слезами, из которых вырос в лесу ятрышник (кукушкины слезки)»⁴⁹.

Здесь нет брака человека и мифического существа, нет архаичного конфликта двух родов и спровоцированного им убийства, но есть традиционная для этиологии кукушки проблема утраты семьи-дома и потомства. Очевидна ущербность семейно-родовых отношений и конкретно связи «мать – дети» – затянувшееся ращение одинокой матерью (одиночество – базовая кукушечья характеристика) троих «здоровых» сыновей(-кукушат). Но, опять же, здесь нет самопроклятия и материнского проклятия детей – обида приводит к превращению в кукушку и оставлению гнезда и потомства. Запоздалое сожаление матери-кукушки («стало... жаль своих дитяток») и понимание необратимости произошедшего выливаются в плач со слезой («*кукуе так, точно плаче!*»).

Уже не раз упоминалось понимание кукования кукушки как горевания (сильного и бесконечного) по утраченному дому-семье, включая

потомство, мужа, собственную обездоленность; однако ни разу не упоминалось понимание кукования как выплакивания горя, освобождения от него и кукушки как незаменимой в том помощницы горюющих. «Рассказы» второго типа содержат редкие свидетельства рассказчиц, вносящие в повествование личную эмоциональную ноту, превращая сказку в... бывальщину:

«Ты *пла́чишь*, и *анá*, *гаваря́т* вот, *куку́е* и *пла́ча*. Ну, правда. Вот – стань плакать, и *анá* ни *улитáя*. И всё *при́читáишь*, *пиряпла́чишься* всей! И всё *кукúя*, и *сиди́ть*, и *кукúя*. Вот – *то́чна*, *то́чна*, *яна́ – абíжниная птица*; «... *кукúши́чка* сиротка и есь. И *гарíoит* всю *дарóгу*. Как *кукушка* *бывáла* *закукует*, *мама* (*рассказчицы*. – *А. Н.*) так *пла́чет*. *А анá* (*кукушка*. – *А. Н.*) – *бóльши* *кричит*»⁵⁰.

В сказке о матери, ставшей от обиды кукушкой, кукованием объясняется появление цветов «кукушкины слезки» – там, где куковала-плакала кукушка, остаются слезы, которые превращаются в цветы – акцент со звукового маркера переводится на визуальный. Еще один связываемый с кукушкой мифологический элемент, и еще один ракурс эстетизации кукования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Логично было бы разбирать русскую специфику этиологических «рассказов» о кукушке в сопоставлении хотя бы с белорусскими и украинскими аналогами, но получилось исследование, вводимое логикой народных представлений; при этом мы старались учитывать место, время и характер бытования текста. Пример – столь впечатлившая нас курганская легенда христианского типа. Она включена в «Народную библию» зауральских старообрядцев, однако же рассмотренный текст – запись устного исполнения, 2014 года фиксации (усл.). Примечательно, что в легенде о божьем наказании за грехи ключевым является несвойственный сюжету мотив, использующий традиционнейшую характеристику кукушки – подбрасывание яиц в чужие гнезда, что делает превращение героини в кукушку инвариантным. В дополнение к этому введена интерпретация давнего народного верования о гаданиях по кукованию (напр., счет оставшихся лет жизни), – превратившись в кукушку, грешница кукует, безуспешно пытаясь сосчитать всех подкинутых ею младенцев.

В обоих типах «рассказов» об этиологии кукушки русской спецификой приходится считать все то, что соответствует устойчивым элементам русских народных представлений о ней. Так, поскольку кукушка всегда *она* и всегда *одна* (пары или не было, или утрачена), в кукушку практически во всех «рассказах» превращается женщина (во втором типе – молодая мать

и вдова). Для обоих типов актуален мотив грешности кукушки: в первом – нарушение благовещенского запрета и/или нарушение регламентации появления и кукования кукушки; во втором типе – нарушение семейно-родовых отношений и/или связанного с ними запрета. В обоих типах у превращенной в кукушку вместе с превращением блокируется ее женская доля, традиционная женская сфера ответственности – дом – семья – потомство (ср. с поверьем о наказании кукушки за нарушение запрета благовещенского – тоже русская специфика).

В «рассказах» первого типа ощутимо влияние древнерусских письменных и книжных источников, в первую очередь известных переработок Физиолога, с описанием и толкованием «злонравия» кукушки, что сочеталось с принятым в средневековой русской литературе обличением греховной природы жен («Беседа отца с сыном о женской злобе»).

Если в «рассказах» первого типа наказание – и превращение в кукушку, и блокировка женской судьбы – происходит по воле Божией, то в «расска-

зах» второго типа – по воле самой женщины в состоянии аффекта от потери мужа. Примечательно, что супружескую связь дочери разрывает мать, а дочь рвет связь «мать – дитя», что называется, в обе стороны – и со своей матерью, и со своими детьми, которых «бросает» подобно кукушке, превращая в разных мелких птиц, и становится кукушкой, чтобы куковать – плакать по мужу.

Каждый тип «рассказов» имеет свое значение кукования, опирающееся на соответствующие народные представления: в легендарном типе более усматривается связь кукования с прогностикой, в сказочном типе у кукования значение плача, горевания. Очевидно, что эмоции, связываемые плачевой традицией, переносятся на кукование кукушки. Жалость к обездоленной «горе-горькой» кукушке, сочувствие, которое она вызывает у женщин с нелегкой судьбой, представляются взаимными. Память о плачах «по своим горям» и плачах «с кукушкой» (диалогов и дуэтах) сохраняет Северо-Западный регион, в частности Псковская область, где считается, что кукушка помогает избыть горе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Как произошла кукушка (легенда)

«Пошел раз Господь посмотреть, что в миру делается. Соблюдают ли люди Божьи законы. Превратился в старца убогого и бредет, на батожок опирается. Зашел под вечер в одну деревню, попросился в крайнюю избу. Запустили его, только оговариваются: “Прости, отче, тесно у нас: семь ребят, да самих двое”. – “Ничего, – отвечает Господь, – как-нибудь поместимся”. Сели ужинать, картошку хозяйка детям разделила, а самим и есть нечего. “Ничего, – говорит Господь, – у меня кое-что найдется...” И достает из своей сумки хлеб.

Наутро собрался Господь уходить, и спрашивает добрых людей: “Все ли детки ваши?” – “Да нет, – отвечают, – подкидывают нам каждый год по одному. А своих не дал нам Господь...”

Вышел Господь из избы, смотрит, а какая-то женщина на завалину грудного младенца кладет. Тогда и говорит ей Господь: “Будь же ты птицей кукушкой!” Так и получилось. С тех пор и считает кукушка, сколько она детей разбросала по чужим людям, да все сосчитать не может».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Рычкова Е. В. «Народная библия» зауральских старообрядцев // Живая старина. 2015. № 1. С. 47–49. По публикации есть вопросы, касающиеся времени записи и бытования-передачи: 1) Каждый текст снабжен данными, где и от кого сделана запись, но нет указания времени ее проведения; если публикация начала 2015 года и размещена в разделе «Экспедиции», надо ли считать, что представлен материал, собранный в 2014 году? 2) Даны записи устного исполнения, но, если материал старообрядческий, логично предположить наличие письменных форм (рукописные источники?), однако информации об этом нет.
- 2 В исследованиях орнитоморфной символики у славян белорусский материал по кукушке наиболее представительный; см. соответствующий раздел работы А. В. Гуры [5: 682–709] и его же данные по этиологии кукушки в «Славянских древностях»: из 40 ед. по славянам в целом – 22 ед. восточнославянские с явным превалированием белорусского материала (16 ед.); русский материал не упоминается вообще, если не считать таковым три *смоленские* ед., которые указаны вместе с белорус. / полес. [6: 36–37].
- 3 Значение *куковать* (*кукати* / *гукати*) – ‘кричать’, ‘звать’; др.-рус. *кыкати* – ‘подавать голос’, ‘кликать’ и *куяти* – ‘верещать’, ‘кричать’ [21: 395, 457]. Но у белорусов и украинцев кукует *зозуля*, *зазуля*, *зегзиця* (формы с *кок-/кук-/гук-* редки); в рус. диалектах формы с *з(ж)ег-/заг(з)-/зоз-* также известны (др.-рус. *зегзица* – «зегзици кокують...»), вероятно, они восходят к древней балт.-слав. форме *zeg(ь)za* – ‘кукушка’ [22: 91–92]. Подчеркнем, что «Звукоподражания» В. Н. Добровольского посвящены характеру криков, звучанию голосов птиц и животных и их интерпретации народной традицией.
- 4 Цит.: п. 15. «Слово о птицах небесных (як почали жити, о Христе беседовати, а греди свои споминати)» [12: 16].
- 5 Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. С. 16; возможно, источник польский, см. об этом у Е. А. Костюхина [9: 141–142].

- ⁶ Цит. по: Власова М. Н. Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. 1926–1928 гг. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 77 (1-я публ. – «Злая девка», 1937 г.); аналог – № 43 [Про кукушку] (№ 189 описи кол. И. П. Карнаухова, И. М. Левиной; зап. в 1927 г. от Е. И. Заверниной 17 л., д. Карпова гора Пинежского у. Архангельской губ.).
- ⁷ В карнауховском тексте в открывании нищими ворот на подворье усматривается поиск пристанища или надежда на милостыню. Там же упомянут св. Егорий, странствующий вместе со Христом; возможно, это случайность, но Егорий Вешний или Зеленый Юрий (23.04 ст. ст.) – одна из календарных дат, связываемых с *появлением* кукушки и началом кукования, но только на юге России и точно, текст же севернорусский [13: 47, таблица]; кроме того, это время переходное, пограничное, подходящее для трансформаций.
- ⁸ Цит.: Паунова Е. В. «Умирает каждый по-своему...» Погребальный обряд астраханских липован // Живая старина. 2000. № 1. С. 18. Пример проявления верования в быличке: «(Женщина рассказывает, как ее мать говорила ночью со Смертью). Через неделю моя матка и помёрла. *И кукушка у мене* то на березине, то на яблоне – *и кукуеть, и кукуеть*», см.: Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой / Сост., подгот. текстов и справ. аппарат В. Д. Кен. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 243 (№ 3, зап. в Литве от А. У. Чапкевич, Г. ИгнаLINE). Примеры подтверждают перенесение устойчивых коннотаций со смертью с первого кукования на кукование вообще. Представления о том, что кукушка может «приходить» по душу, и кукование – знак того, были распространены у славян, см., напр., прием нейтрализации кукушки-«душевадницы» у болгар [10: 195].
- ⁹ «Жалует и плацетца» – отсылка к «жалкой кукушечке», «пташке плакучей» [11: 38], а также к выходящему за рамки плачевой традиции плачу «в голос и со слезой» – верному, но здесь не срабатывающему («А помочь нельзя») средству быть услышанным Богом [13: 123, 125–126, 133]. Вера в действенность такого плача вошла в эпос, найдя применение и в поэтических (духовные стихи и баллады), и в прозаических (легенды и сказки) формах.
- ¹⁰ Рычкова Е. В. «Народная библия» зауральских старообрядцев. С. 49; легенда зап. в д. Скоблино Юргамышского р-на Курганской обл. от М. А. Петровой, 1918 г. р.
- ¹¹ В «рассказах» группы «Когда Господь ходил по земле» (Христос-странник) много общего, ср. начало рассматриваемой легенды с началом воронежской «О бедной вдове»: Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. С. 34–36; в коммент. (с. 42–43) упоминается «чудо о хлебе». Ломание хлеба как ритуальное действие – запрет в обыденной жизни, отменяемый по большим праздникам, в том числе в Благовещении [15: 255].
- ¹² К граничному пространству: *завалин(к)а* – заваливание песком / землей основания дома по внешнему периметру; для поддержания формы на завал делался «кожух» из досок или дранки, позволяющий присесть (сумерничать на завалинке старики). Положение дитяти на завалину – почти как на порог (аллюзии и на куваду, и на захоронения под порогом мертворожденных или умерших вскоре после рождения детей).
- ¹³ Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М.: Худож. лит., 1988. С. 156; Там же: «Кукушка своего гнезда не вьет».
- ¹⁴ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961. С. 375 (№ 220 описи сказочного собрания; зап. в 1928 г. от А. З. Новикова 43 л., д. Конещелье (Мезень) Архангельской губ.). Альтернативную причину наказания кукушки указывает А. В. Терещенко – она «должна страдать и влачить жизнь одинокую» за то, что проспала и не славилась вместе с другими птицами Воскресение Спасителя, см.: Терещенко А. В. История культуры русского народа. М.: Эксмо, 2008. С. 518.
- ¹⁵ Рычкова Е. В. «Народная библия» зауральских старообрядцев. С. 49; поверье зап. в д. Дружинино Шатровского р-на Курганской обл. от Е. И. Вагановой, 1903 г. р.
- ¹⁶ Благовещенье приходится на начало нового годового цикла архаичного календаря – «птицы из ирья идут... (на *крыльях*) весну несут», и несут в этот мир семена новой жизни (вкл. души тех, кому предстоит родиться). Кукушке отводилась в том особая роль, так как считалось (ю.-рус. и укр.), что она держательница ключей от «ирья» / «вырия» (рая), отпирает и запирает небесные врата [5: 700], [20: 106]. К Благовещению в помощь птицам пекли печиво в виде птичек, нередко в позе полета (*жаворонков, куликов и... зазулек* (белор.)); был также старинный благовещенский обычай отпущения птиц на волю.
- ¹⁷ Чулков М. Д. Абевега русских суеверий. М., 1786. С. 7. В благовещенских прегрешениях птиц всегда есть индивидуальная конкретика, у кукушки – витье гнезда, хотя логичнее было бы считать грехом ее кукование. Во многих российских регионах кукушка прилетает и начинает куковать на Благовещенье, что было знаком прихода весны, «благой вестью»; но при этом кукование в само Благовещенье считалось дурной приметой [16: 192]; возможно потому, что крик «ку-ку!» некогда маркировал появление в виде кукушки Великой богини, жизни и смерти подательницы, см.: [4: 173–174].
- ¹⁸ Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. С. 17.
- ¹⁹ См.: «Др.-рус. (с XI в.) *евангелие* – не только «книга-евангелие», но и «учение Христа» и «*благая весть*» (Изб. 1076 (КСДР)); <...> отмеч. также (Изб. 1073, 46) калька с греч. – *благовѣштение* – «евангелие»: «Исповѣдати грехы по благовѣштению». <...> «Благая весть» (благовестье) первоначально – «*воздаяние* (награда) за радостную весть» (Гомер, Плутарх), «*жертвоприношения* за радостную весть» (Ксенофонт и др.) [21: 280].
- ²⁰ В «рассказах», где птица кукушка наказывается за свои прегрешения, дурной нрав вовсе не является характеризующим ее качеством. Исключения составляют книжные источники, такие как азбуковники, идущие от Толковой Палеи [1: 105, 118], в которых «злонравие» кукушки связывается именно с подбрасыванием яиц в чужие гнезда (ввиду отсутствия собственного) – перевернутость причинно-следственной связи.

- ²¹ № 41 «Як сокыл и кукушка и другие пташки супрати Кука ваювались»: Смоленский этнографический сборник / Сост. В. Н. Добровольский. Зап. ИРГО. Т. XX. Ч. 1. СПб., 1891. С. 278–279. В СУС –221 В* «Птичий царь Кук (крук, орел)» включен в раздел «Птицы и рыбы» (с. 88) и имеет пояснение: «Птичий царь Кук пожирает множество птиц, решает построить из их костей *дворец* (= гнездо)»; очевидно польское влияние, см. легенду о Куке: Majewski E. Kukulka (Cuculus Canorus L.) w mowie, pieśni i pojęciach ludu naszego // Wisła. T. 12. Z. 3. Warszawa, 1898 [13: 93].
- ²² Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. СПб., 1890. Вып. 1. С. 115–119.
- ²³ № 21 «Почему у кукушки гнезда нет»: Русские сказки Забайкалья / Подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В. П. Зиновьева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 57–58 (зап. 1969 года); сказка дана в разделе «Сказки о животных», и в СУС сюжет не учтен. Но в СУС в разделе «Птицы и рыбы» (с. 96) дан сюжет –249 С* «Сокол и кукушка», в котором кукушка (!) наставляет сокола, где вить гнездо, но он советом пренебрегает – гнездо разрушают, птенцы погибают. Мотив потери гнезда и птенцов (соколом, орлом, чайкой) по вине др. птиц, но без причастности к этому кукушки, есть в балладах, см.: [18: 19–20].
- ²⁴ «Сказка про кукушку»: Русские народные сказки Урала / Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник, Н. Куштурм. Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1959. С. 148–149. Сказочник был явно знаком с пермским вариантом сюжета о неправом суде птиц: № 89. «Ворона-карабута»: Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии / Изд. подгот. Т. Г. Ивановой. СПб., 1997. С. 330–331 (зап. в Усолье А. Вологдиным; 1-я публ. 1863 г.). Началом «Карабута» близка к известной скоморошине «Птицы» (А. Ф. Гильфердинг, зап. 1871 года, Кенозеро). Е. А. Костюхин, имея в виду вариант Н. А. Иваницкого: «Что во марте было месяце, / Во восьмой было тысяче, / Горе-горькая кукушица / Бьет челом сизым орлам. / <...> Будто богатая порода, / Карпова дочь ворона / Гнездо разорила, / Детей прибила...» (№ 616, Вологод. губ.), относил сюжет к зрелому животному эпосу и, отметив скомороший стиль, определял как демографическую сатиру на суд [9: 116].
- ²⁵ № 80 «О кукушке»: Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 259–260. Сказка входит в раздел «Сказки из рукописных хранилищ и различных печатных источников»; указано, что в РГО ее запись была переслана Ф. Пардалоцким в 1848 году.
- ²⁶ Заключительная часть проклятья вдовы ужа, см.: № 15 [Кукушка] (АКФ РИИИ, зап. от А. Ф. Варламовой в 1987 году в д. Дарьино Кадомского р-на Рязанской обл.): Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. С. 111–112.
- ²⁷ Сюжет 425 М «Жена ужа (змея, гада)» включен в СУС в раздел «Волшебные сказки» (№№ 300–749) [19: 132]. Примечательно, что сюжет представлен белорусской версией, хотя превалирует русский материал (см. соотношение текстов по сюжету: рус. – 14 ед., белор. – 3 ед., укр. – 4 ед.); русского аналога белорусской версии нет [5: 683]. Sic! А. В. Гура обозначает тексты на сюжет 425 М как *легенды* [5: 683], а Г. В. Лобкова указывает псковский текст на этот сюжет как *мифологическое предание* [11: 39].
- ²⁸ Можно сравнить с безумием Великой богини в образе кукушки, о котором пишет А. Голан, исходя из значения англ. cuckoo («кукушка») – «не в своем уме, сумасшедший», и проводит аналогию между приписываемым кукушке равнодушием к дому–семье–потомству и равнодушием Великой богини к тем, кому она дает жизнь [4: 174].
- ²⁹ № 35 «Про ужака»: Эрленвейн А. А. Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии. М., 1863. С. 131. Превращение детей в птиц согласуется с представлениями об орнитоморфном облике душ умерших, то есть = умерщвлению; все упомянутые в рассмотренных текстах птички подходят, кукушка же соответствует всего более, как в звуковом, так и в визуальном плане, см. ритуальное приглашение умершего гостить: «Прилетай-ка *шерой кукушечкой, сизой пташечкой, / Прокукуй* мне свою волюшку...» При этом кукующая кукушка – давний сверхстойчивый образ выражения горевания, и именно в голос и со слезой, и это сама плачет в погребальной и поминальной обрядности: «Прожила я горюшица, / Серая-то кукушица...» (самоидентификация) и «Не кукушечка кукует горе-горькая / Горюет то твоя да молода жена...» (метафора). И то, и другое попало в волшебную сказку, напр.: 1) ведьма превращает новорожденных детей царицы в *кукушек* и отправляет «в никуда» (= умерщвление) (сказка «Бармынка-король», зап. 1-й четверти XX века, см.: Сказки Саратовской области / Сост. Т. М. Акимова. Саратов: Саратовское обл. изд-во, 1937. С. 111); 2) мать, превращенная ведьмой в утку, *кукует* (! имитация причета) над гробами своих детей (лубочная сказка – № 37 «Сказка о Сарге-королевиче»: Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XVIII века / Изд. подгот. К. Е. Корепова. СПб., 2003. С. 296). А. Голан упоминает изображение русскими кукушек на могильных крестах, но без конкретики [4: 174]; толкование возможно двойное – и символ души умершего, и символ скорби (сколько птиц – столько горюющих).
- ³⁰ № 320 «Про раков» (зап. 1908 г. от П. И. Власова 34 л., д. Семенки Вятской губ.): Народная проза. Библиотека русского фольклора / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М.: Рус. книга, 1992. С. 460; текст дан в разделе «Этиологические рассказы и басни» (сн. на: Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. XLII. Пг., 1915. № 107).
- ³¹ № 42 «Озерный жук – жених» (зап. 1957 г. в д. Кузомень Мурман. обл. от Е. И. Сидоровой): Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970. С. 137–139; пояснение: *жук* – черный окрас змея, указывающий на мужской пол (Кенозеро).
- ³² № 1 [Про кукушку]; Прилож. 4: Гд., 4662–19 29, зап. Г. Лобковой в 1996 г. от К. И. Федоровой, д. Залесье Псковской обл. [11: 39].

- ³³ № 42 «Озерный жук – жених»: Сказки Терского берега Белого моря. С. 138.
- ³⁴ Запрет зафиксирован только в одном позднем варианте (1969 г.), он исходит от мужа-ужа и является условием, на котором жена с детьми отпускается в мир людей погостить: «Ладно, отпущу вас. Только вы (про) меня не сказывайте, как живу и где». Запрет нарушает маленькая дочь, что приводит к отцовскому проклятию – «*оборотил их всех, кем казал*»: сына – соловьем, дочь – «крапивной пташкой», жену – кукушкой («...а ты, жена, *кукуй кукушкой! И своего гнезда у тебя не будет и детей знать не будешь, так кукушкой и изведуешь, изоднишься*»), см.: № 20 «Черный уж»: Сказки Ленских берегов / Изд. подгот. Е. И. Шастиной. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. С. 114–115.
- ³⁵ В гдовском тексте Г. В. Лобковой (№ 1 [Про кукушку]) змей(-уж) – Водяной, хозяин вод, см.: «...Удав или кто – был Вадиной. Он в вадé – Царь, а судá выхадил – как Уж. И вот адная вышла заму́ж за нево...» [11: 39].
- ³⁶ № 15 [Кукушка] (АКФ РИИИ, зап. 1987 г., Рязанская обл.): Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. С. 111.
- ³⁷ Мотив змеиной свадьбы в более или менее развернутом виде фиксируется в пяти из десятка рассмотренных сказок на сюжет 425 М; приведены: 1) № 42 «Озерный жук – жених»: Сказки Терского берега Белого моря. С. 138; 2) № 35 «Про ужака»: Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии. С. 131; и т. д.
- ³⁸ *Вырей* – не только ‘сказочный край, земной (!) рай’, но и ‘всякая птица, улетающая на зиму’ (Смолен., Кур. и др.) [17 (5): 340–341]; однако *вир* объясняется не как (небесный) источник, а как ‘глубокое место в реке’, ‘водоворот’, ‘омут’, и даже ‘топкое место’ (sic: Вертись в вир на дно (Брян.) = ступай к черту, к лешему) [17 (4): 291]. Представление о том, что кукушка и змеи весной появляются (из вырия) одновременно, см.: [5: 699].
- ³⁹ № 20 «Черный уж» (зап. 1969 г. от М. М. Болдаковой): Сказки Ленских берегов. С. 114.
- ⁴⁰ 1) № 59 «Парень-гад» (зап. 1926 г. от Н. Грибановой, Заонежье): Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края / Изд. подгот. М. Н. Власовой. СПб.: Тропа Троянова, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2006. С. 146; 2) № 40 «Южик» (архив ГЛИМ, № 52, фонд Е. Н. Елеонской): Фольклорные сокровища Московской земли / Отв. ред. Е. М. Гацак. Т. 3: Сказки и несказочная проза. М.: Наследие, 1998. С. 95.
- ⁴¹ 1) № 43 «Муж-гад» (зап. от Стрелкиной У. Е. в 1968 г. в д. Коровино Пестовского р-на): Сказки, легенды, предания, былички, заговоры. Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963–1999 гг.) / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Алетей, 2001. С. 80; 2) № 59 «Парень-гад»: Сказки и предания Северного края. С. 146.
- ⁴² Проклятие считалось прерогативой высших сил, для человека – грех, см.: [3: 286–294].
- ⁴³ См.: № 39 «О происхождении кукушки»; № 40 «Происхождение соловья, лягушки, кукушки»: Смоленский этнографический сборник. Т. XX. Ч. 1. С. 277–278.
- ⁴⁴ Авторизируя сказку № 59 «Парень-гад», М. Н. Власова указала на изменение в сюжете соотношения фантастического и реалистического (мысль о бывальщине принадлежит ей); также она отметила: «Сюжет этот известен в западноевропейской литературе. *На русской почве варианты нам не известны*»: Сказки и предания Северного края. С. 413–414.
- ⁴⁵ [11: 39; Опоч., 2166-02; распространено в разных р-нах Псковской обл.]; вариант: «Мать сама, наверно, была проклятая. У ней родилась дочь. И дочь эта выросла большая...» Утратив мужа-ужа, тоже проклятого, дочь проклинает своих детей и самое себя – проклятие на проклятии... Текст поздний, неожиданно найти здесь архаичное родовое проклятие по женской линии. См.: № 15 [Кукушка]: Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. С. 112.
- ⁴⁶ Приведены фрагменты: о «порченом» – № 59 «Парень-гад»: Сказки и предания Северного края. С. 146; о «проклятом» – № 15 [Кукушка]: Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. С. 112. Sic! в рус./полес. зоне муж-уж может быть проклят своей матерью: «...*мать его прокляла*, зделала вужом, а там (в воде) человеком он был»: № 81 «Муж-уж» (зап. 1982 г., Брянская обл.; ПА): Там же. С. 72.
- ⁴⁷ Приведены фрагменты: № 35 «Про ужака»: Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии. С. 131; № 42 «Озерный жук-жених»: Сказки Терского берега Белого моря. С. 138; + гдовский вариант, в котором Уж – Водяной [11: 39].
- ⁴⁸ № 16 «Происхождение кукушки»: «Однажды муж Казым-ими уехал на рыбалку, а она с мальчиком и девочкой дома осталась. Захотела Казым-ими пить, попросила детей принести ей кружку воды, но дети не принесли. Казым-ими *превратилась в кукушку*. Дети гонялись за ней по лесу с кружкой и просили... выпить воды, но кукушка улетаала от них все дальше и дальше...»: Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной; Под ред. Е. С. Новик. М.: Наука, 1990. С. 75–76; *Казым-ими* – букв. казымская женщина, дух-покровитель хантов на р. Казым, почитаемая и в др. районах обско-угорской территории.
- ⁴⁹ Будур Н. Повседневная жизнь колдунов и знахарей. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 260 (источник неизв., текст указан как *легенда*). Основной мотив сюжета упоминается в современных записях: «... точки крапчатые на листочках есь, вот на слезки и находит на кукушки, плачет теперя, што детей бросила, это така *сказка есь*» [8: 115]. Сказка уже упоминалась в работе, связанной с темой кукушкиных слез, см.: [14: 477–478].
- ⁵⁰ См. материалы Г. В. Лобковой [11: 34–35, 38, 39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики / Отв. ред. А. А. Турилов. М.: Индрик, 1999. 320 с.
2. Виноградова Л. Н. Превращение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 243–246.
3. Виноградова Л. Н., Седакова И. А. Проклятие // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 286–294.
4. Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
6. Гура А. В. Кукушка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 36–40.
7. Добровольский В. Н. Звукоподражания в народном языке и народной поэзии // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. XXII, № 3. С. 81–96 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011110645/ (дата обращения 18.02.2026).
8. Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. 234 с.
9. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987. 270 с.
10. Левкиевская Е. Е. Славянский берег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
11. Лобкова Г. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 224 с.
12. Лопарев Х. М. Древнерусские сказания о птицах. СПб.: Комитет Императорского Общества Любителей Древней Письменности, 1898 (Тип. И. Н. Скороходова). XXX, 24 с. (Памятники древней письменности; 116) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibr.rgo.ru/handle/123456789/236316> (дата обращения 18.02.2026).
13. Никитина А. В. Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 176 с.
14. Никитина А. В. «Добыть кукующих слёз...» (К вопросу о культурных соответствиях) // Русский фольклор. Т. 37: Фольклоризм в литературе и культуре: Границы понятия и сущность явления (Сборник статей и материалов памяти А. А. Горелова) / Отв. ред. М. В. Рейли. СПб.: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: Нестор-История, 2018. С. 476–497.
15. Плотникова А. А. Преломление хлеба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 255–257.
16. Райан В. Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России: Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.
17. Словарь русских народных говоров / Ред. Ф. И. Сороколетов. Вып. 4. Л.: ЛО Наука, 1969. 320 с.; Вып. 5. 1970. 356 с.
18. Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М.: Наука, 1988. 117 с.
19. Сравнительный указатель сказочных сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Калашников, Н. В. Новиков. Л.: ЛО Наука, 1979. 440 с.
20. Церковно-народный месяцеслов И. П. Калинского / Послесл. В. Аникина. М.: Худож. лит., 1990. 238 с.
21. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т.: 13 560 слов. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Русский язык, 1994. Т. 1. 623 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
23. Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки) / Сост., науч. ред., примеч., библиогр. указ. В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2006. 336 с.

Поступила в редакцию 30.09.2025; принята к публикации 13.02.2026; дата публикации 31.03.2026

Original article

Alla V. Nikitina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
centsouffle@gmail.com

RUSSIAN VERSIONS OF FOLK IDEAS ABOUT CUCKOO'S ORIGIN

Abstract. The article explores folk legends and fairy tales about the origins of the cuckoo, as well as the associated beliefs that reveal the complex nature of the folk perceptions of this bird. The material analyzed is Russian, collected from various regions of Russia and different historical periods. The decision to focus exclusively on the Russian tradi-

tion is intentional, as scholarly investigations have already addressed Slavonic, East Slavic, Belarusian, and Ukrainian folk ideas about the cuckoo and its origin, whereas Russian folk ideas have been not studied specifically. By narrowing the research scope to Russian folklore, the study aims to identify and analyze the distinctive Russian features of the cuckoo's etiology and to clarify the ambiguous attitudes towards this bird and its cuckooing within folk culture. Two conventional types of folk tales about the cuckoo's etiology and the meaning of cuckooing known in the Russian tradition have been analyzed: one type is closer to Christian legends, while the other has a more fairy-tale quality, but incorporates elements of both high and domestic mythology. The analysis revealed the elements characterizing each type, including the influence of ancient Russian book sources on the first type and the importance of the emotional component in the second type.

Keywords: cuckoo, cuckooing, etiology, mythology, Annunciation, folk legend, fairy tale, belief, curse, family relations

For citation: Nikitina, A. V. Russian versions of folk ideas about cuckoo's origin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(3):99–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1307

REFERENCES

1. Belova, O. V. Slavonic bestiary. Glossary of names and symbols. (A. A. Turilov, Ed.). Moscow, 1999. 320 p. (In Russ.)
2. Vinogradova, L. N. Transformation. *Slavonic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols.* (N. I. Tolstoy, Ed.). Vol. 4. Moscow, 2009. P. 243–246. (In Russ.)
3. Vinogradova, L. N., Sedakova, I. A. Damnation. *Slavonic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols.* (N. I. Tolstoy, Ed.). Vol. 4. Moscow, 2009. P. 286–294. (In Russ.)
4. Golan, A. Myth and symbol. Moscow, 1993. 375 p. (In Russ.)
5. Gura, A. V. Animal symbolism in Slavonic folk tradition. Moscow, 1997. 912 p. (In Russ.)
6. Gura, A. V. Cuckoo. *Slavonic antiquities: Ethnolinguistic dictionary.* (N. I. Tolstoy, Ed.). Vol. 3. Moscow, 2004. P. 36–40. (In Russ.)
7. Dobrovolsky, V. N. Onomatopoeia in folk language and folk poetry. *Etnograficheskoye obozreniye*. 1894;XXII(3):81–96. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011110645/ (accessed 18.02.2026). (In Russ.)
8. Konovalova, N. I. Dictionary of folk names of plants of the Urals. Ekaterinburg, 2000. 234 p. (In Russ.)
9. Kostyukhin, E. A. Types and forms of animal epos. Moscow, 1987. 270 p. (In Russ.)
10. Levkiyevskaya, E. E. Slavonic protective amulets. Their semantics and culture. Moscow, 2002. 336 p. (In Russ.)
11. Lobkova, G. Antiquities of the Pskov land. Reaping ritualism: images, rites, and their artistic system. St. Petersburg, 2000. 224 p. (In Russ.)
12. Loparev, Kh. M. Ancient Russian tales and legends about birds. St. Petersburg, 1896. 24 p. Available at: <https://elibrary.ru/handle/123456789/236316> (accessed 18.02.2026). (In Russ.)
13. Nikitina, A. V. The image of the cuckoo in Slavonic folklore. St. Petersburg, 2002. 176 p. (In Russ.)
14. Nikitina, A. V. “Quest for cuckooing teardrops”: the issue of intercultural compatibilities. *Russkiy folklor*. 2018;37:476–497. (In Russ.)
15. Plotnikova, A. A. The breaking of the bread. *Slavonic antiquities: Ethnolinguistic dictionary.* (N. I. Tolstoy, Ed.). Vol. 4. Moscow, 2009. P. 255–257. (In Russ.)
16. Ryan, W. F. The bathhouse at midnight. An historical survey of magic and divination in Russia. Moscow, 2006. 720 p. (In Russ.)
17. Dictionary of Russian vernaculars. (F. I. Sorokoletov, Ed.). Issue 4. Leningrad, 1969. 320 p. Issue 5. Leningrad, 1970. 356 p. (In Russ.)
18. Smirnov, Yu. I. East Slavic ballads and similar forms: An attempt of a directory of plots and versions. Moscow, 1988. 117 p. (In Russ.)
19. Comparative index of folk tale plots. East Slavic tales. (L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kalashnikov, N. V. Novikov, Comp.). Leningrad, 1979. 440 p. (In Russ.)
20. Church-Folk Menologium by I. P. Kalinsky. Moscow, 1990. 238 p. (In Russ.)
21. Chernykh, P. Ya. Historical and etymological dictionary of the Russian language: In 2 vols.: 13,560 words. Vol. 1. Moscow, 1994. 623 p. (In Russ.)
22. Fasmer, M. Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols. Vol. 2. Moscow, 1986. 672 p. (In Russ.)
23. Yudin, Yu. I. Fool, jester, thief, and devil (Historical roots of household folk tales). Moscow, 2006. 336 p. (In Russ.)

Received: 30 September 2025; accepted: 13 February 2026; published: 31 March 2026